

Виталий Евгеньевич Болдырев¹

boldyrev89@list.ru

США: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Трансформация мира в постбиполярный период сделала государства основными игроками, формирующими глобальную картину взаимодействия, в то время как аналитический аппарат общественных наук сохраняет элементы упрощённых подходов, в соответствии с которыми исследователи оперируют обобщёнными понятиями или редуцируют проблему до её отдельных частей. В этих условиях особенно важно понимание внутренней динамики развития каждого государства. Одним из наиболее проработанных в мировом обществоведении является США. Весомых успехов здесь смогли добиться историки и страноведы, изучавшие общие законы развития американского общества, трансформации политических партий, роли социальных структур. В целом им удалось вывести ключевые закономерности эволюции американского социума. Значимых результатов достигли исследователи в области моделирования, которые доказали, что эволюция обществ определяется состоянием функциональных подсистем, трансформацией социальных связей, сменой господствующих политических взглядов. Такое понимание в целом соотносилось с результатами исторических и страноведческих исследований. Представители этих направлений расходились только в одном: историки связывали континуум с чередой событий, а приверженцы моделирования — с меняющимся состоянием подсистем. Отмеченное сближение произошло не сразу, а вследствие ограниченности количественных исследований политики и общественного развития. Современное направление, изучающее динамику исторического развития, опирается на достижения качественных исследований и моделирования, что позволяет построить системную картину развития США, в основе которой лежит соотношение расчётных данных и их интерпретаций, касающихся длительных, устойчивых тенденций общества.

Ключевые слова: США, историческое время, историческая динамика, качественные исследования, количественные исследования, моделирование.

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Vitalii E. Boldyrev²

boldyrev89@list.ru

THE USA: DYNAMICS OF DEVELOPMENT IN THE LIGHT OF SOCIAL RESEARCHES

The world transformation in post-bipolar period put states at position of key players which form interaction in the world. Yet analytical tools keep elements of simplified approaches. In accordance to them researches use generalized terms or reduce problem to specific elements. In this context each state domestic dynamics of development understanding appears important. USA development represents one of the most elaborated cases in world social studies. Scholars who provided their researches in field of American studies and investigated laws of US society development, political parties' transformations and social structures, reached significant results as they managed to isolate key patterns of US society evolution. Also meaningful results had been obtained by modeling which proved development of any society is determined by functional subsystems posture, social contacts transformation and dominating political views changes. Such understanding of dynamics corresponded to results of historical and American studies researches. There was an only element of dispute as historians understood continuum as successive events, and modelling followers interpreted it as changeable conditions of subsystems. Though the approaches were very close its integration happened after understanding of quantitative methods limited possibilities only. Modern studies of historical development dynamics are based on advantages of qualitative methods and modeling, which let to reconstruct US social development system posture based on correspondence among computed data, its interpretation and long and sustainable social tendencies isolated by qualitative methods.

Keywords: USA, historical time, historical dynamics, qualitative researches, quantitative researches, modeling.

С началом XXI столетия мир стал характеризоваться большей турбулентностью, тенденции его развития стало труднее предсказывать с помощью инструментария уже традиционного, привычного, обыденного в той части мирового обществоведения, которое изучает современные проблемы и осуществляет поиск перспективных трендов развития стран, регионов и мира.

Не вдаваясь в аналитические подробности, обозначим общие причины сложившейся ситуации. Во-первых, в период существования биполярной системы международных отношений мир казался сравнительно простым и упорядоченным, доминирующей мыслительной конструкцией были международные блоки и соответствующие им системы общественно-политического строя, что стимулировало аналитиков оперировать обобщёнными критериями: порядок, власть, сила,

² Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

суверенитет, право, баланс (соотношение) сил, стратегический паритет, противоборство систем. В 1989—1991 гг. прежний порядок прекратил существование, на смену полюсам пришли отдельные государства, которые обнаруживали в своём существовании больше различий с более сложными и тонкими оттенками, однако среди экспертов доминирующими остались обобщённые понятия. В то же время повышение роли государств не означало распада мировой системы в целом, а их зависимость друг от друга сохранилась. Соответственно возникло аналитическое противоречие: структура мира усложнилась, взаимозависимость его элементов осталась, а прежние термины, описывавшие общие понятия, перестали эффективно работать, но продолжали применяться.

Во-вторых, развитие вычислительной техники и программного обеспечения к концу 1980-х гг. привело к тому, что в общественных исследованиях стал доминировать кластерный подход, оказавшийся в силу своей сущности более простым и малозатратным в сравнении с моделированием, однако в отличие от последнего он позволял описать и спрогнозировать тенденции развития в пределах ограниченного проблемного, пространственного и временного поля, что объективно сужало аналитический горизонт и формировало в сознании учёных и экспертов фрагментированный образ реальности и перспектив. Как следствие, возникла ещё одна аналитическая проблема: как использовать преимущества математического анализа, чтобы он, с одной стороны, позволял верифицировать детали, а с другой — способствовал построению целостной картины.

Поскольку обозначенная выше проблема носит методологический характер, то цель исследования заключается в том, чтобы выявить преимущества и ограничения ключевых аналитических инструментов, попутно акцентируя внимание на их связях. Ввиду того, что на Западе основную функцию «разработчика методологии» выполняют прежде всего политология и наука о международных отношениях, а на Востоке вплоть до 1989—1991 гг. она была закреплена за историей, задачей данной работы является изучение отдельных исторических и политологических инструментов, с помощью которых можно исследовать динамику развития. Поскольку в центре аналитического внимания как в отечественной, так и в зарубежной науке находились Соединённые Штаты, то ещё одна задача — исследование того, как интерпретировалась динамика американского развития.

ПОНЯТИЕ ДИНАМИКИ И ВРЕМЕНИ В ИСТОРИИ

Из числа историков наиболее полно проблему динамики и времени изучили представители познанской и варшавской школ. Её разработка началась на сравнительно раннем этапе, ввиду чего время связывалось с вектором, идущим из прошлого через настоящее в будущее.

Эти три стадии понимались также с учётом объекта и предмета исторической науки: под настоящим подразумевался исторический момент, в который происходило некоторое исследуемое явление, существующее среди соответствовавших моменту иных явлений и процессов, под прошлым — предшествующий контекст, а под будущим — развитие исследуемого явления и контекста, в котором оно существует. В этом истолковании лежит ключ к пониманию исторической динамики.

В соответствии с характером протекания исторических процессов Е. Топольски выделял три чистых вида времени: циклическое, направленное и нерегулярное. Циклическое характеризуется строгой периодичностью, диктуемой историческими законами конкретного общества. Направленное связано с процессами, локализованными в конкретных исторических (пространственных и хронологических) рамках. Нерегулярное время сочетает характеристики двух предыдущих, имея внутри себя некоторое подобие циклов, которые тем не менее не обладают регулярностью, а их начало и конец подвержены самому широкому спектру обстоятельств [37, s. 522—525]. При этом Е. Топольски делал очень важную оговорку, что чистые виды исторического времени в действительности встречаются крайне редко. Как правило, мы имеем дело с доминированием, но не полным господством одного из видов, со смешанным типом, со сложным переплетением или сочетанием разных временных процессов, их локальных вариаций. Они проявляются в виде некоторых событий, которые в свою очередь провоцируют новые. При этом каждый временной вектор наполняется соответствующими ему социальными отношениями.

Последнее замечание в совокупности с достижениями истории повседневности, которая акцентировала внимание на микроструктуре общественных взаимодействий, впоследствии позволило существенно уточнить понятие динамики общественного развития. Относительная стабильность микроструктуры способствует появлению локальных вариантов более обширных процессов. В условиях нестабильности, а тем более переломов, как продемонстрировал Дариуш Ярош на примере советской и постсоветской Польши, срабатывают другие механизмы. Доминирующий процесс и связанные с ним социальные связи не являются монопольными, параллельно им выстраиваются другие общественные структуры, которые приходят на место первых в условиях исторического перелома и выстраивают связи с новым доминирующим процессом [27].

Таким образом, историческое время понимается как совокупность векторов развития, привязанных к логике соответствующих процессов и временному континууму, а историческая динамика прочно связана с событиями и изменчивыми социальными структурами.

Наконец, британский эпистемолог П. Осборн наряду с понятиями континуума и структуры обращает внимание на нарратив, в данном

случае на интерпретацию прошлого, объяснение настоящего и видение будущего, которыми руководствуются социальные группы, определяя целесообразность тех или иных своих шагов [28, p. 18—51].

В целом с позиций исторической науки время и динамика предстают сложными, многомерными, связанными феноменами. Самым простым измерением видятся векторы, которые обусловлены событийной динамикой. Однако в таком случае история предстаёт одномерной, в то время как структурное время и трансформирующиеся структуры общества делают эти процессы объёмными, наполненными. Нарративы же придают смысл деятельности групп, преобразовывают сети и их взаимодействия, обозначая слабые и сильные позиции. Как следствие, каркас, который делает векторы развития объёмными, постоянно изменяется.

ПОНЯТИЕ ДИНАМИКИ И ВРЕМЕНИ В НАУКЕ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Понятия динамики и времени в науке о международных отношениях появились в 1970-х гг. Тогда же обозначились два ключевых направления теоретического и прикладного осмысления этой проблемы. Первое было представлено анализом неквантифицируемых явлений или феноменов, для описания которых одних расчётных данных недостаточно, второе — моделированием.

Первое направление связано, прежде всего, с исследованием В.И. Гантмана и Е.М. Примакова 1979 г. [9, с. 193—242]. В целом они исходили из того, что система международных отношений состоит из горизонтальных и вертикальных связей. Вертикальные задаются уровнями отношений: глобальным, региональным, субрегиональным, ситуационным, групповым, двусторонним. Горизонтальные определяются состоянием функциональных подсистем: экономической, технологической, военной, правовой, социальной и др. При этом авторы делают ряд важных оговорок. Во-первых, доминировавшая тогда в мышлении исследователей биполярность сосуществовала с многополярностью, которая, главным образом, задавалась экономической подсистемой. Во-вторых, различные проблемные ситуации формировали различные субрегиональные конфигурации. Этому способствовали дробная повестка проблемы, восприятие её государствами и их вовлечение. В-третьих, в каждом конкретном случае международных, прежде всего двусторонних, отношений функциональные системы приобретают специфическую комбинацию со своим соподчинением. В-четвёртых, историческое развитие государств невозможно понять, не раскрыв особенностей их общественного развития.

В соответствии с этой интерпретацией основой мира представляла совокупность государств, чьё положение характеризовалось параметрами развития подсистем и особенностями общественного развития,

а динамика детерминировалась их социальными изменениями и восприятием правящими слоями окружавшей их действительности.

В последующем идеи В.И. Гантмана и Е.М. Примакова были уточнены Г.А. Трофименко и П.Т. Подлесным [8], которые указали на то, что формирование внешней политики во многом зависит от субъективных взглядов лиц, которые формально и неформально вовлечены в процесс принятия решения, а также их социальных связей.

Из зарубежных исследователей внешней политики близкие идеи высказывал А. Филиппар, утверждая, что процесс принятия решений в каждом конкретном случае зависит от вовлечённых в него людей, их интересов и целей, от контекста, который понимается как взаимосвязанная сеть отдельных событий, от человеческих контактов, общей стратегии, а также взаимодействия этих факторов [29].

В 2011 г. Е.М. Примаков уточнил прежнее понимание международной системы с учётом особенностей полицентричного мира. С одной стороны, маркерами положения государств остаются особенности их развития во всём многообразии, с другой — динамика задаётся противоречиями, которые вызваны неравномерностью развития государств, успехом/неудачами интеграционных инициатив, характером внешнеполитического мышления, инерционного или направленного на переосмысление прежнего вектора развития [12, с. 5—6]. И хотя эти замечания касаются прежде всего международных отношений, они указывают, что значимым компонентом в положении стран на международной арене является субъективная сторона. Кроме того, неравномерность развития характеризует не только межгосударственное, но и внутригосударственное состояние.

Суммируя отдельные положения этого направления науки о международных отношениях, мы можем констатировать, что время обществ задавалось индикаторами подсистем, особенностями социального развития (в том числе структурами взаимодействия), господством идей, а динамика их эволюции выражалась изменением индикаторов подсистем, общественными трансформациями во всём их многообразии, статичностью/сменяемостью идей.

Второе направление представлено моделированием. Его пионером выступил американский математик Дж. Форрестер, который понимал модель в качестве инструмента, позволяющего реконструировать феномен таким, какой он есть, преодолеть влияние опыта, очистить мышление от предубеждений, которые являются источником ошибочного целеполагания [22]. Иными словами, одной из возможностей моделирования стало очищение обществоведческого мышления от субъективного влияния.

При переносе этого инструмента в область глобальных исследований Дж. Форрестер поступил следующим образом. Весь мир он представил как совокупность подсистем. Среди них он выделял социальную,

демографическую, природно-климато-экологическую, ресурсную, продовольственную, экономическую. Изменения в одной из подсистем вели к изменениям в других. Здесь положение было чётко связано с индикаторами, а динамика — с их изменением. При этом Дж. Форрестер положение и динамику понимал в глобальном масштабе [23]. Эта же логика легла в основу исследования Д. Мидоуза «Пределы роста» [26].

Глобальность и механистичность подхода Дж. Форрестера и Д. Мидоуза к моделированию придавали результатам их исследования характер формального научного отчёта, что делало проблематичным использование результатов на практике, особенно применительно к отдельным странам. Вследствие этого администрация Дж. Картера заказала группе Дж.О. Барни прогноз, который учитывал бы не только глобальные, но и страновые тенденции развития, а также носил бы проблемный характер. Результатом стал прогноз «Глобал-2000», он отвечал этим критериям, но в то же время был лишён методологической целостности ввиду отсутствия единого математического аппарата, несортированности подсистем, их элементов и проблем развития. Вследствие этого проблематично точно определить, что составители прогноза понимали под состоянием системы, а что — под её динамикой [33; 34; 35].

В то же время нельзя не сделать немаловажную в контексте данного исследования оговорку, что и Дж. Форрестер, и Д. Мидоуз, и коллектив Дж.О. Барни в качестве первостепенной подсистемы выводили демографическую.

Своего пика моделирование социальных процессов достигло в Советском Союзе в конце 1970—1980-х гг. К этому времени сложилось пятиуровневое понимание глобальной системы: система в целом, блоки подсистем, подсистемы, их элементы (факторы), индикаторы. В то же время наряду с расширенным перечнем подсистем, которые описываются с помощью формул, коллектив исследователей В.А. Геловани делал две очень важные оговорки: развитие задаётся не только квантифицируемыми данными, но и особенностями политического и социального развития, которые нельзя описать с помощью языка математики; любая подсистема приобретает отличительные черты в зависимости от региона и страны. Своеобразно для области моделирования здесь понимались положение и динамика. Положение связывалось с текущим состоянием подсистем, особенностей социальных связей, политических взглядов, которые были характерны для каждой конкретной страны или их группы. При этом страны существовали не сами по себе: для них контекстом выступало состояние подсистем в глобальном масштабе. Динамика была обусловлена трансформациями подсистем, социальных связей и политических взглядов, которые приобретали форму не просто смены состояний или акцентов, а выбора альтернатив развития из числа допустимых при существующих объективных возможностях и ограничениях [4].

Несколько иной вариант моделирования предложила группа О.Т. Богомолова [6]. Поскольку головной организацией этого проекта выступил ИЭМСС АН СССР, то основной акцент был сделан на положении мировых систем социализма и капитализма относительно друг друга. В то же время текущее положение прочно связывалось с состоянием ряда подсистем, присущим отдельной стране или их группе. Динамика соотносилась с количественной и качественной трансформацией подсистем, а также с субъективной стороной, отвечающей за принятие оптимального решения.

Таким образом, в соответствии с советской версией моделирования положение описывалось состоянием функциональных подсистем, особенностями социальных связей, политическими взглядами и решениями, а динамика связывалась с их трансформацией и выбором одной из альтернатив развития. В отличие от своих американских коллег советские учёные рассматривали в качестве важнейшей подсистемы экономическую, а не демографическую.

В целом, если сравнить основные подходы двух направлений науки о международных отношениях, нельзя не заметить, что у их трактовок положения и динамики много общего, они определяются состоянием и трансформациями трёх измерений: подсистем, социальных связей, политических взглядов.

В свою очередь это указывает на параллели концепции исторического времени П. Осборна [28], в соответствии с которой оно имеет три измерения: событийный континуум, структуру социальных связей и интерпретации исторического континуума, идущего из прошлого через настоящее в будущее. Близко было и понятие динамики: отличия состояли только в том, что вместо сменяемых событий истории присутствовали индикаторы, характеризовавшие состояние подсистем, а также вводилось понятие альтернативы.

На близость подходов истории и науки о международных отношениях в понимании времени и динамики указывает и то, что историки в 1990—2000-х гг. пришли ещё к нескольким сопоставимым пониманиям. Так, Дж.Л. Гэддис указал, что при изучении военного баланса периода холодной войны необходимо обращать внимание не только на цифры, но и на интерпретации этого баланса, которые распространялись как на оппонирующую сторону, так и на собственную [5]. А.М. Филитов в свою очередь понимал альтернативу развития как выбор среди имевшихся вариантов или их отсутствие [15, с. 9—10].

В целом всё перечисленное выше указывает на то, что существует общность понимания времени и динамики в истории и науке о международных отношениях. Единственное расхождение связано с тем, что историки в числе прочего воспринимают исторический континуум как последовательность событий, связанных с контекстом, а в науке о международных отношениях делается акцент на состоянии подсистем.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ США: КАЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Страной, чью национальную историю сначала её собственные исследователи, а затем и зарубежные стремились изучить через призму исторического времени, были Соединённые Штаты. Наиболее ранние попытки на рубеже 1940—1950-х гг. предприняли А. Шлезингер и Ф.Л. Клинберг. Согласно им американское историческое время представляло собой поочерёдную смену этапов внутреннего развития и внешнеполитических ориентаций. Особенность данного подхода состояла в том, что внутривременное развитие трактовалось как последовательность сменявших друг друга периодов социально-политического развития, а динамика, как считалось, задавалась сменой доминирующих идей, в то время как внешнеполитическая ориентация представлялась маятниковым дуализмом, при котором интроверсия и экстраверсия сменяли друг друга, последним же соответствовали закрытость и открытость внешней политики (приводится по: [31, p. 24, 43—44]).

Близкие подходы на протяжении долгого времени доминировали в отечественной историографии: история представлялась последовательной сменой этапов социально-экономического и социально-политического развития. В советское время считалось, что динамика задаётся внутренними или внешними общественными, формационными трансформациями [7]. В современной российской историографии смена этапов исторического времени США обосновывается комплексом внутренних взаимосвязанных трансформаций, которые происходили в социальной, экономической и политической сферах. Это указывает на стремление вплести в канву исторического вектора социальные структуры, политические и экономические идеи. Динамика же развития в данном случае, по мысли исследователей, проистекает из соперничества социальных групп, выступавших носителями разных экономических и политических интересов [13].

Если соотнести эту наиболее простую трактовку американского исторического времени с концепцией Е. Топольского, то оно представит нерегулярным вектором, а смена его этапов будет лишена единой логики.

В этом контексте существенно выделяется концепция А.М. Шлезингера-мл. Он интерпретировал историю США как смену циклов, чьё развитие описывалось следующей временной логикой. Началом любого из них служит период активизма, который характеризуется большим количеством изменений, имеющих под собой новую идейную основу, принципиально отличающуюся от предыдущей. На пик цикла приходится бесперебойная работа предшествовавших новаций. За ним следует фаза усталости, на которой они дают сбои, появляется новая

проблема, занимающая центральное место в общественном сознании, требующая новых подходов к решению, чем провоцируется начало нового цикла [31, р. 27—29].

Вследствие того, что эта концепция появилась в 1980—1990-х гг., в отечественной американистике с её помощью исследовали последний закончившийся исторический цикл. Опираясь на неё, В.Н. Гарбузов представлял переход от кейнсианского к неоконсервативному этапу стремительным [3]. Аналогично Е.А. Роговский и В.С. Васильев предприняли попытку точно спрогнозировать начало нового цикла социально-экономического развития Соединённых Штатов в 2010-е гг. [11].

Однако правомерно ли вслед за А.М. Шлезингером-мл. сводить все исторические процессы к одному вектору, а историю США трактовать синхронной? Если принять правоту этого тезиса, то придётся признать, что Соединённые Штаты — синхронная система, уязвимая перед кризисами. Однако все кризисы они преодолевали, а значит, являются асинхронной системой, в связи с чем признаётся уместность трактовки фаз циклов А.М. Шлезингером-мл., но отвергается предложенное им понимание цикличности.

Более подробное прочтение монографии В.Н. Гарбузова [3], а также события социальной, экономической и политической жизни США последних 10 лет позволяют говорить о существовании трёх циклических векторов (социально-политического, властного и экономического), которые сменяются друг за другом в разной последовательности.

Таким образом, господствующая темпоральная идея американистики была связана со стремлением показать циклический характер времени, а его динамику связать с проблемами, которые стимулируют принятие новых решений, внедрение новых инструментов, перегруппировку общества в контексте новых явлений и т.д.

В то же время существует ряд иных трактовок американского исторического времени и исторической динамики.

Так, при изучении эволюции политических партий американисты фактически понимают темпоральный вектор как нерегулярный. Исследования В.О. Печатнова [10], В.Н. Гарбузова [2] и М. Эспинозы [19] указывают на её волнообразный характер, при этом партийные волны обладают разной продолжительностью и внутренней динамикой, допуская наличие интервалов между ними.

В.О. Печатнов [10] и М. Эспиноза [19], исследовавшие Демократическую и Республиканскую партии соответственно, связывали динамику трансформаций с господством и сменой определённых фундаментальных идей, которые, однако, не выходили за рамки магистрального идейного развития партий, а также с внутрипартийными перегруппировками и трансформациями электоральной базы. В.Н. Гарбузов [2] же уточняет, что динамика может также задаваться и спонтанными реакциями.

Кроме того, периоды исторического времени США могут определяться ключевыми трансформациями структуры общества, которые в свою очередь определяли динамику. Так, в конце 1970-х гг. благодаря социальным программам появился новый средний класс, на волне НТР возникли новые отрасли производства и новая буржуазия на Юго-Западе [3]. Следствием этих изменений стал рост неоконсерватизма на рубеже 1970—1980-х гг. В начале 2010-х гг. такими трансформациями выступали рост доли офисных работников и занятых в сфере услуг при сокращении доли рабочих, снижение роли профсоюзов и организованного рабочего класса [14, с. 33—52], что способствовало переходу консерваторов на более правые позиции.

В свою очередь Р.Б. Хорвитц [25] интерпретирует новейшую (с 1933 г.) историю США как борьбу различных ветвей власти и ведомств. В данном случае американская история трактуется как господство конгресса (до 1933 г.); рост автономности исполнительной власти, которая была закреплена за счёт законодательно оформленных прав и полномочий, подкреплённых бюрократическими процедурами (1933—1970-е); инфильтрация либеральных идей в ряды бюрократии и обеспечение их господства в процессе принятия решений (1970-е — н.в.). В этом контексте Р.Б. Хорвитц трактовал первое президентство Д. Трампа как попытку снизить влияние бюрократии и повысить независимость курса от либеральных идей. Иными словами, по мысли учёного, динамика определялась управленческими процедурами, господствующими идеями, внедрением новых моделей государственного управления.

Наконец, ряд исследователей выделяют и более дробные отрезки исторического времени США. Те из них, кто изучает экономику и экономическую историю, время и динамику в числе прочего связывают с циклами деловой активности [14, с. 217—222]. Нормой является и привязка к президентским срокам.

Приведённые выше концепции и интерпретации исторического времени США и его динамики в целом соотносятся с тем или иным положением концепций исторического времени Е. Топольского и П. Осборна, т.е. являются историческими по своей сути. Они сводят время и динамику к векторам (циклическому, направленному, нерегулярному), которые предстают в виде континуума, смены общественных структур, политических и иных идей. Несмотря на то, что данные подходы формируют образ исторического времени США как сложного по своей организации феномена и имеют практическое значение, они упускают одно теоретико-методологическое основание, что тем не менее является следствием аналитических ограничений, которые налагают качественные методы. Это основание — понимание системы как принято в науке о международных отношениях, как оно было адаптировано советскими исследователями к построению моделей, описывающих конкретную страну.

ВРЕМЯ И ДИНАМИКА: РОЛЬ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Первые попытки количественного анализа происходящих внутри США общественных и политических процессов были предприняты в начале 1970-х гг. и в последующие десятилетия получили широкое распространение. Главным образом с их помощью исследовались хронологически ограниченные проблемы, например, противостояние конгресса и Белого дома при конкретном президенте или в контексте конкретного внешнеполитического события (например, Вьетнамской войны) [18; 21], реже в аналитическое поле в качестве социального актора вводились группы интересов [16]. В то же время исследователи, применявшие количественные методы для изучения социально-политических процессов, указывали на следующие их недостатки: они могли быть эффективными только в условиях относительной стабильности анализируемого явления, оказываясь уязвимыми в условиях неожиданностей [17]; для них характерна линейная логика, которая связывается с влиянием опыта использования краткосрочных экономических моделей [24]; они позволяли констатировать набор фактов и выявить базовые тенденции взаимодействия, характерные для определённого хронологического среза [21].

Попытку преодолеть эти ограничения предпринял С. Фаббрини, исследуя устойчивые роли конгресса и президента в условиях разделённого правления, которые проистекали как из их формальных полномочий, так и из особенностей изучаемого феномена. При этом исследователь обращался к данным за длительный, более чем полуторавековой, период, совмещал преимущества количественного и качественного анализа [20]. Такой подход указывал на два важных аспекта на перспективу: при анализе хронологически продолжительных явлений математические методы могут сочетаться с качественными, в то же время использование видимых их преимуществ не будет способствовать более глубокому исследованию, а приведёт к фиксации долгосрочных тенденций, лежащих на поверхности.

Причина этой проблемы видится в том, что при изучении социально-политических процессов в США с помощью формул не только произошёл отказ от преимуществ качественного анализа, но и были проигнорированы те достижения кибернетики, которые позволяют моделировать социальные системы и структуры. Исключения здесь были редки [30]. Проникновение математического аппарата с кажущейся его аналитической лёгкостью, акцент на локальных проблемах привели к тому, что стал доминировать кластерный подход в ущерб системному.

Если сравнить эту ситуацию в американистике с ситуацией в науке о международных отношениях и, шире, в системных исследованиях

к началу XXI в., нельзя не заметить одну важную деталь: для последних важным этапом было системное моделирование, которое со второй половины 1980-х гг. стало вытесняться кластерным подходом; в работах, посвящённых США, отсутствовали попытки провести полноценные системные исследования; а на смену качественным исследованиям пришли количественные, обладавшие кластерным характером, заменившие аналитический язык, но при этом не внёсшие принципиальных отличий в понимание динамики и сведшие понимание исторического времени до отдельных отрезков или их совокупностей. Последнее и вовсе указывает на то, что количественные методы оказались слабо приспособленными к анализу исторического времени в сравнении с качественными.

В свою очередь сопоставление методологических достижений моделирования и опыта применения математических методов американцами указывает на следующие их различия. Первое: используемые математические модели были локальными по своей сути и в отношении времени, и в отношении пространства, и в отношении проблем, а представители моделирования стремились охватить как можно более обширные пласты. Второе: вследствие внедрения математических методов социальные структуры США стали интерпретироваться как застывшие на определённом срезе или в контексте определённой проблемы, в то время как моделирование рассматривало их динамичными. Третье: математический анализ стал интерпретировать социально-политические процессы механистически, мир идеального оказался исключённым из него, что на поздних этапах моделирования считалось недопустимым. Четвёртое: американистика и здесь фактически отвергла кибернетику как источник методологического развития, в то время как моделирование и кибернетика всегда были взаимосвязанными. Пятое: американистика стала ориентироваться на анализ и прогнозирование конъюнктурных трендов, а не долгосрочных тенденций, идущих из прошлого через настоящее в будущее.

Таким образом, внедрение математических методов в американистику не просто оставляло широкое поле для применения методологии, восходящей к моделированию и темпоральной проблематике истории и науки о международных отношениях, оно даже ещё его увеличило, поскольку предполагало фактический отказ от достижений качественных исследований, посвящённых историческому времени США и связанной с ним динамике.

Первую попытку преодолеть эти ограничения, используя преимущества системного анализа, восходящего к моделированию, предпринял Э. Тодд [36]. Важнейшим достижением его исследования необходимо признать то, что он понимал систему как совокупность и тех частей, которые можно исследовать с помощью математических методов, и тех, к которым они не применимы. Кроме того, им был выделен

ряд проблем, влияющих на развитие и восприятие системы. Важно также подчеркнуть, что Э. Тодд понимал состояние системы, которое выражается с помощью переменных, параметры, которые характеризуются качественными данными, и восприятие их вовлечёнными лицами как взаимосвязанные.

Важнейшей проблемой постбиполярного мира обозначена интерпретация наблюдаемых или расчётных данных. Она актуальна как для исследователей, проводящих прикладной анализ современности, так и для политиков. В частности, распространение американского военного присутствия сначала на Балканах, потом в Восточной Европе, на Ближнем и Среднем Востоке было воспринято европейскими политиками как рост могущества США, в то время как Э. Тодд указывал, что это явление американского упадка.

Почему же так произошло, что вслед за неправильным восприятием положения в СССР в 1970-х гг. в 1990-х гг. европейские политики допустили аналогичную ошибку в оценках Соединённых Штатов? Ответы на этот вопрос дают меньшие аналитические проблемы. Первая касается соотношения квантифицируемых и неквантифицируемых данных. Поскольку постбиполярный мир характеризовался глобализацией, которая поддерживалась в первую очередь экономическими процессами, контрольные количественные исследования стали проводиться только в области экономики, в то время как в других сферах их влияние сократилось. Во-вторых, с момента выхода эссе Ф. Фукуямы о конце истории на ход анализа в общественных науках стала влиять теоретическая предпосылка, в соответствии с которой не столько анализировалась проблема в существующем виде, сколько доказывалась полезность конкретной теории, концепции, идеи. Эта логика в целом соответствовала подходу американской политологии, делавшей акцент на общих параметрах, в то время как локальные особенности обществ оказывались за пределами анализа. Таким образом, возобладали аналитическая логика, в соответствии с которой в центре внимания оказывались общие политические и экономические инструменты, а сохранявшееся разделение мира на различные страны и культуры игнорировалось. В-третьих, Э. Тодд указывал, что необходимо относиться к миру как к системе, а к государствам — как к её частям, которые одновременно должны восприниматься как открытые системы, способные влиять на мировую систему, и как находящиеся в зависимости от неё.

Расширение военного присутствия США рассматривается Э. Тоддом как рельефный пример перечисленных проблем. Наблюдателями во внимание принимался сам политический факт расширения, но не учитывалось ни качество дислоцированных контингентов, ни потенциальная цепочка действий США и ответа внешней системы на них с последующим новым ответом Вашингтона, ни финансовые возможности Соединённых Штатов, ни наличие ограничений,

существовавших для США в других подсистемах. Игнорирование этих проблем привело европейских политиков к заблуждению об американском величии.

Ключ к предотвращению и преодолению подобных проблем Э. Тодд связывает с моделированием. Как следует из его работы, в качестве приоритетных для анализа подсистем он выделяет демографическую, социальную, экономическую, культурную, финансовую, военную.

Наиболее важным для получения объективной картины, описывающей положение в той или иной стране, Э. Тодд называет, говоря языком советского моделирования, социальный блок подсистем, включающий демографическую подсистему, выводимую на ведущую позицию, и социальную подсистему, которая занимает подчинённое положение. Наиболее важными параметрами, по Э. Тодду, являются динамика рождаемости и уровень образования. В частности, прохождение пика рождаемости вместе с продолжающимся ростом образованности от поколения к поколению обозначалось им как кризис модернизации, который выражался несоответствием количества и структуры профессиональных квалификаций нового трудового поколения, замещавшего уходящих на пенсию. Кроме того, нестабильная демографическая ситуация способствует тому, что во внешней политике государства предпочитают решение малых, а не больших проблем.

В то же время Э. Тодд указывал, что простых данных о демографии и социальном положении недостаточно, не менее важным для прогнозирования траектории развития он считал понимание моделей обществ, подразумевая под ними масштабированные модели семьи.

К экономическим моделям Э. Тодд относится как к этапам развития, соответствующим определённым поколениям. Каждое из них сообразно социально-демографическому и экономическому положению, которое можно выразить математически, предлагает новые взгляды, формирует новую политическую и общественную повестку, чью жизнеспособность можно проверить с помощью расчётных данных.

К параметрам системы, не поддающимся математической обработке, Э. Тодд относил культуру, которую он понимал как устойчивые модели социального поведения, скрытые за общепризнанными формами привычных практик, уходящих корнями глубоко в прошлое, в цивилизационные особенности обществ. В их понимании также лежит ключ к определению жизнеспособности стратегии.

В этом контексте интересно недавнее замечание М.Л.Р. Смита [32], анализировавшего американскую политическую стратегию, которая не только привела к обострению украинского кризиса, но и способствовала его развитию по невыгодной для Запада траектории. Корень сложившейся проблемы, по его мнению, уходит, по крайней мере, в 1990-е гг. Это было время, когда США не только вышли из экономического кризиса рубежа 1970—1980-х гг., но и обрели модель развития,

которая доказала свою эффективность на практике. К этому периоду либералы уже прочно заняли доминирующую позицию в американской бюрократии, а их идеи всецело разделяло правительство. Наконец, не стоит пренебрегать замечанием Н.О. Берри, что американские демократы во внешней политике больше идеалисты, а не материалисты [1]. Именно тогда стало доминировать внешнеполитическое мышление, ведущее к плохой стратегии. Для него характерно отсутствие центральной стратегической идеи, системного соотнесения большой цели с малыми целями, необходимыми и наличествующими ресурсами, но при этом присутствует «россыпь» малых, подчас конъюнктурных, целей, не связанных или слабо связанных между собой, общих, схоластических фраз, которые не имеют чётких семантических связей, но обладают эмоциональной окраской. Именно в таком прикладном мышлении М.Л.Р. Смит видит проблему неэффективной внешней стратегии США в последние 30 лет.

Если соотнести это замечание с исследованием Э. Тодда, то историческое время предстаёт континуумом, чьи фазы определяются моделями экономического развития, а положение внутри этих фаз выражается расчётными индикаторами, формальными и неформальными социальными связями, господствующими идеями и моделями прикладного политического мышления. Динамика в свою очередь определяется качественными и (если это приложимо) количественными изменениями, а также эффективностью функционирования (использования) параметров исторического времени.

Не меньший интерес представляет книга П. Турчина [38]. В основу его исследования легла идея, что развитие любого общества на любом историческом этапе можно интерпретировать с помощью состояния функциональных подсистем, которое выражается посредством количественных данных. С учётом того, что информация о разных обществах в разные исторические периоды неравномерно обеспечена квантифицируемыми данными, группа П. Турчина остановилась на тех подсистемах, недостающие сведения для которых можно получить расчётным путём. В качестве приоритетной вслед американской традиции моделирования была обозначена демографическая подсистема, из других подсистем отобрали социальную, экономическую, технологическую, финансовую и продовольственную. Также П. Турчиным принимается общепринятое в мировом моделировании мнение, что страны, за редчайшими исключениями, развиваются по инерционным траекториям вследствие нежелания правительств принимать превентивные меры по исправлению социальной и экономической ситуации.

История Соединённых Штатов представляется П. Турчиным как вектор, состоящий из отрезков, чьими границами выступают социально-политические или социально-экономические кризисы. В сравнении с исследованием Э. Тодда ключевой проблемой здесь обозначается

не уровень рождаемости, а квалификационная структура населения: так, перепроизводство элиты в США с конца XX в. привело к нехватке рабочих рук, которая начала компенсироваться иммиграцией «мускулов». Кроме того, это стало причиной вхождения США в длительный управленческий кризис. Другими важными критериями, позволяющими оценить состояние общества и положение его слоёв, по мнению П. Турчина, являются инфляция и уровень доходов.

Параллельно исследователь указывает, что простых расчётных данных для анализа траектории развития общества недостаточно, так как они указывают на определённые тенденции развития, в то время как присутствуют особенности социальных взаимодействий, а вместе с ними существуют устойчивые исторические маркеры, которые могут иметь как национальный, так и универсальный характер.

Так, с помощью расчётных данных было выявлено, что перепроизводство элиты ведёт к тому, что она замыкается сама в себе, с другой стороны, на рынок труда поступает большое количество людей, не способных реализовать себя в жизни. Этот факт считается одним из признаков социального кризиса США, который имеет множество проявлений, а его корни глубинны. Дальнейший математический анализ позволил установить, что он носит культурный характер, ключевым является противостояние между либералами и традиционалистами, в то время как борьба партий — это лишь его внешнее проявление.

Далее П. Турчин обращается к особенностям общественных взаимодействий. Особое внимание он заострил на том, что либеральная часть элиты сформировала жизненные стратегии, предписываемые тем, кого она вовлекает в свои ряды. Тем самым карьера становится лабораторией, говоря словами исторической адаптологии, по производству нового члена либеральной элиты. Другая проблема здесь — структура социальных связей правящего класса и его собственное деление на группы. Наконец, нельзя забывать и о том, что влиятельные люди могут себя проявлять не только как часть системы, но и как личности со своими субъективными сторонами.

С учётом того, что элита оторвана от общества по образовательному и доходному критериям, и сама она не является единой, но сохранить своё доминирующее положение в социуме в её интересах, для достижения этого разные элитные группы формируют разные объяснения, нацеленные на разные аудитории: на верхние слои общества и на массы.

Обращает внимание П. Турчин и на исторические маркеры. По его мнению, для новейшей истории США характерна высокая роль массовых движений в процессе общественно-политической и экономической перестройки, которая берёт своё начало в экономических кризисах. Также для последних характерно появление лидеров, чьи взгляды контрастируют с доминирующими идеями, но при этом новые лидеры не противопоставляют себя элите, а выступают её частью. При анализе

универсальных характеристик он обратил внимание на то, что наблюдаемое сейчас в США перепроизводство юристов несёт риск появления пассионарного революционера, подобного В.И. Ленину и Ф. Кастро.

Таким образом, время П. Турчиным понимается практически так же, как и Э. Тоддом, с той разницей, что первый делает акцент на переходах между этапами и на характерных особенностях этих переходов, а второй — на критериях выделения этапов. Однако в понимании динамики присутствуют большие расхождения. Во-первых, о положении, которое можно рассчитать с помощью переменных, П. Турчин пишет как о маркере одной или нескольких доминирующих тенденций, трансисторичных по своей сути. Во-вторых, социальные структуры многомерны, они представляют собой не только сети взаимодействий, но и модели рекрутирования и укоренения вновь вовлекаемых. В-третьих, изменчивость идей обусловлена тем, что в них элитарные группы видят средство сохранения собственной власти.

Таким образом, на фоне чрезмерного увлечения локальными количественными исследованиями в американистике, обращение к достижениям глобального моделирования позволило достичь следующих положительных результатов. Математический инструментарий был чётко переориентирован на обнаружение динамических социальных явлений. Стало признанным, что для лучшего понимания траектории развития необходимо совмещать преимущества качественных и количественных методов, при этом последние должны обладать функцией независимого контроля, а не уточняющего инструмента. Кроме того, проводимые работы подразумевают канал взаимодействия с качественными исследованиями исторического времени.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ И ДИНАМИКА США: СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЯ

В целом, как было показано выше, в исследованиях, проведённых с помощью количественных и качественных методов, поднимаются если не одни и те же, то очень близкие, имеющие между собой связи проблемы, результаты сопоставимы, а применяемые аналитические алгоритмы дополняют друг друга.

Из-за этого возникает следующее «разделение труда» между качественными и количественными исследованиями. Уделом качественного анализа остаётся изучение векторов исторического континуума, их общих темпоральных характеристик, взаимовлияния и взаимопроникновения, конкретной событийной динамики. Другой важной исследовательской областью остаются особенности общественных взаимодействий, которые могут выражаться как видимые формальные структуры контактов, как неформальные структуры контактов и их скрытые

смыслы, как социальные структуры, проистекающие из особенностей культурно-исторического развития общества, как следствие сменяющихся и адаптирующихся поведенческих процессов, ориентированных на обслуживание интересов определённых общественных групп. Наконец, без качественного анализа невозможно исследовать идейное развитие, включающее не только смену идей и политических программ, но и специфику использования этой сферы в отношении различных социальных групп.

Применение количественных методов позволяет уточнить текущее положение и перспективную траекторию развития общества, определить границы этапов эволюции страны как системы и соотнести их с периодами развития, выведенными с помощью качественных исследований, выделить и спрогнозировать развитие и содержание кризисных тенденций, оценить эффективность социально-политических стратегий, конкретизировать их характер и цели.

С учётом того, что применение качественных и количественных методов предполагает не дублирование посредством повторного анализа идентичных проблем и их элементов, а взаимодополнение за счёт закрытия имеющихся проблемных полей, наибольшие перспективы изучения времени и динамики США можно связать с организацией исследований, которые включали бы качественные и количественные методы на принципе обоюдного контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берри Н.О. Почему американскую внешнюю политику так трудно понять? // *Международная жизнь*. 1998. № 11—12. С. 33—49.
2. Гарбузов В.Н. Американские консервативные волны // *США — Канада: экономика, политика, культура*. 2016. № 5. С. 3—17.
3. Гарбузов В.Н. *Революция Рональда Рейгана*. М.: Наука, 2008. 567 с.
4. Геловани В.А., Бритков В.Б., Дубовский С.В. *СССР и Россия в глобальной системе (1985—2030): Результаты глобального моделирования*. М.: Либроком, 2009. 320 с.
5. Гэддис Дж.Л. Предварительные оценки послевоенного противостояния // *Новая и новейшая история*. 1991. № 3. С. 56—62.
6. Дашичев В.И. Проект «Звезда» — в поисках выхода из «холодной войны» // *Новая и новейшая история*. 2010. № 2. С. 120—132.
7. *История США* / под ред. Н.Н. Болховитинова. М.: Наука, 1983—1987. Т. 1. 689 с.; Т. 2. 601 с.; Т. 3. 673 с.; Т. 4. 747 с.
8. *Механизм формирования внешней политики США* / под ред. Г.А. Трофименко, П.Т. Подлесного. М.: Наука, 1986. 216 с.
9. *Основы теории международных отношений: Опыт ИМЭМО в 1970-е годы* / под ред. Н.Н. Иноземцева. М.: Аспект Пресс, 2022. 623 с.
10. Печатнов В.О. *От Джефферсона до Клинтона. Демократическая партия США в борьбе за избирателя*. М.: Наука, 2008. 503 с.

11. Роговский Е.А., Васильев В.С. Идейное оправдание экономической политики Б. Обамы // США — Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 10. С. 47—66.
12. Россия в полицентричном мире / под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь мир, 2011. 580 с.
13. Согрин В.В. Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. 580 с.
14. Феномен Трампа / под ред. А.В. Кузнецова. М.: ИНИОН, 2020. 642 с.
15. Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941—1990. М.: Наука, 2009. 333 с.
16. Choi Young Mi. Constituency, Ideology and Economic Interests in U.S. Congressional Voting: The Case of the U.S. — Korea Free Trade Agreement // Political Research Quarterly. 2015. Vol. 68. No. 2. P. 266—279.
17. Cohen M.D., March J.G., Olsen J.P. A Garbage Can Model of Organizational Choice // Administrative Science Quarterly. 1972. Vol. 17. No. 1. P. 1—25.
18. Enelow J. A New Theory of Congressional Compromiss // American Political Science Review. 1984. Vol. 78. No. 3. P. 708—728.
19. Espinoza M. Donald Trump's impact on the Republican Party // Policy Studies. 2021. Vol. 42. No. 5—6. P. 563—579.
20. Fabbrini S. The American System of Separated Government: A Historical-Institutional Interpretation // International Political Science Review. 1999. Vol. 20. No. 1. P. 95—116.
21. Flynn M.E. The International and Domestic Sources of Bipartisanship in U.S. Foreign Policy // Political Research Quarterly. 2014. Vol. 67. No. 2. P. 398—412.
22. Forrester J.W. Industrial Dynamics. New York; London: The MIT Press — John Wiley & Sons, Inc., 1961. 464 p.
23. Forrester J.W. World Dynamics. Cambridge: Wright-Allen Press, Inc., 1971. 142 p.
24. Gigerenzer G., Goldstein D.G. Reasoning the Fast and Frugal Way: Models of Bounded Rationality // Psychological Review. 1996. Vol. 103. No. 4. P. 650—669.
25. Horwitz R.B. Trump and the “deep state” // Policy Studies. 2021. Vol. 42. No. 5—6. P. 473—490.
26. Meadows D., Randers J. Limits to Growth. The 30-Year Update. London; Sterling: Earthscan, 2006. 338 p.
27. Nie tylko represje i opór: z profesorem Dariuszem Jaroszem rozmawiają Andrzej Skalomowski i Michał Przeperski // Nowe książki: przegląd nowości wydawniczych. 2018. No. 6. P. 4—8.
28. Osborne P. The Politics of Time. Modernity and Avant-Garde. New York; London: Verso, 1995. 272 p.
29. Phillipart A. Transfers Decision-Making Complexity and Influence on Decision-Making Powers // International Political Science Review. 1982. Vol. 3. No. 3. P. 269—276.
30. Rivera J., de. The Psychological Dimension of Foreign Policy. Columbus: Charles E. Merrill Publishing Company, 1968. 441 p.
31. Shlesinger A.M.-Jr. The Cycles of American History. Boston; New York: A Mariner Book Mifflin Company, 1999. 400 p.
32. Smith M.L.R. Why is the West so Rotten in Strategy? // International Affairs. 2024. Vol. 100. No. 4. P. 1591—1614.
33. The Global 2000 Report to the President. Volume One. Entering the Twenty-First Century. Washington: Government Printing Office, 1981. 56 p.
34. The Global 2000 Report to the President. Volume Three. Documentation on the Government's Global Sectoral Models: The Government's Global Model. Washington: Government Printing Office, 1981. 401 p.

35. The Global 2000 Report to the President. Volume Two. The Technical Report. Washington: Government Printing Office, 1980. 766 p.
36. Todd E. After the Empire. Breakdown of the American Order. New York: Columbia University Press, 2003. 233 p.
37. Topolski J. Metodologia historii. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1973. 612 s.
38. Turchin P. End Times. Elites, Counter-Elites, and the Path of Political Disintegration. New York: Penguin Press, 2023. 362 p.

REFERENCES

1. Berry N.O. Pochemu amerikamskuyu vneshnyuyu politiku tak trudno ponat'? [Why is it so Hard to Understand American Foreign Policy?]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 1998, no. 11—12, pp. 33—49. (In Russ.)
2. Garbuzov V.N. Amerikanskie konservativnye volny [American Conservative Waves]. *SShA — Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2016, no. 5, pp. 3—17. (In Russ.)
3. Garbuzov V.N. *Revolyutsiya Ronal'da Reigana* [The Reagan Revolution]. Moscow, Nauka Publ., 2008, 567 p. (In Russ.)
4. Gelovani V.A., Britkov V.B., Dubovsky S.V. *SSSR i Rossiya v global'noi sisteme (1985—2030): Rezul'taty global'nogo modelirovaniya* [USSR and Russia in Global System (1985—2030): Global Modeling Results]. Moscow, Librokom Publ., 2009, 320 p. (In Russ.)
5. Gaddis J.L. Predvaritel'nye otsenki poslevoennogo protivostoyaniya [Preliminary Appraisal of Post-War Confrontation]. *Novaya i noveishaya istoriya*, 1991, no. 3, pp. 56—62. (In Russ.)
6. Dashichev V.I. Proekt “Zvezda” — v poiskakh vykhoda iz “kholodnoi voyny” [The Project “Star” — in Search of an Exit from the “Cold War”]. *Novaya i noveishaya istoriya*, 2010, no. 2, pp. 120—132. (In Russ.)
7. *Istoriya SShA* [History of USA]. Ed. by N.N. Bolkhovitonov. Moscow, Nauka Publ., 1983—1987, vol. 1, 689 p., vol. 2, 601 p., vol. 3, 673 p., vol. 4, 747 p. (In Russ.)
8. *Mekhanizm formirovaniya vneshnei politiki SShA* [United States Foreign Policy Forming Mechanism]. Ed. by G.A. Trofimenko, P.T. Podlesnyy. Moscow, Nauka Publ., 1986, 216 p. (In Russ.)
9. *Osnovy teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: Opyt IMEMO v 1970-e gg.* [Frame of Theory of International Relations: IMEMO Experience in 1970s]. Ed. by N.N. Inozemtsev. Moscow, Aspekt Press Publ., 2022, 623 p. (In Russ.)
10. Pechatnov V.O. *Ot Dzheffersona do Klintona. Demokraticeskaya partiya SShA v bor'be za izbiratelya* [From Jefferson to Clinton. The Democratic Party in the Struggle for the Voters]. Moscow, Nauka Publ., 2008, 503 p. (In Russ.)
11. Rogovskiy E.A., Vasil'ev V.S. Ideynoe opravdanie ekonomicheskoy politiki B. Obamy [Ideological Justification of B. Obama's Economic Policy]. *SShA — Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2012, no. 10, pp. 47—66. (In Russ.)
12. *Rossiya v politsentrichnom mire* [Russia in the Polycentric World]. Ed. by A.A. Dynkin, N.I. Ivanova. Moscow, Ves' Mir Publ., 2011, 580 p. (In Russ.)
13. Sogrin V.V. *Istoricheskiy opyt SShA* [Historical Experience of the United States]. Moscow, Nauka Publ., 2010, 580 p. (In Russ.)
14. *Fenomen Trampa* [The Trump Phenomenon]. Ed. by A.V. Kuznetsov. Moscow, INION Publ., 2020, 642 p. (In Russ.)
15. Filitov A.M. *Germaniya v sovetskom vneshnepoliticheskom planirovanii. 1941—1990* [Germany in Soviet Foreign Policy Planning. 1941—1990]. Moscow, Nauka Publ., 2009, 333 p. (In Russ.)

16. Choi Young Mi. Constituency, Ideology and Economic Interests in U.S. Congressional Voting: The Case of the U.S. — Korea Free Trade Agreement. *Political Research Quarterly*, 2015, vol. 68, no. 2, pp. 266—279. (In Eng.)
17. Cohen M.D., March J.G., Olsen J.P. A Garbage Can Model of Organizational Choice. *Administrative Science Quarterly*, 1972, vol. 17, no. 1, pp. 1—25. (In Eng.)
18. Enelow J. A New Theory of Congressional Compromise. *American Political Science Review*, 1984, vol. 78, no. 3, pp. 708—728. (In Eng.)
19. Espinoza M. Donald Trump's impact on the Republican Party. *Policy Studies*, 2021, vol. 42, no. 5—6, pp. 563—579. (In Eng.)
20. Fabbrini S. The American System of Separated Government: A Historical-Institutional Interpretation. *International Political Science Review*, 1999, vol. 20, no. 1, pp. 95—116. (In Eng.)
21. Flynn M.E. The International and Domestic Sources of Bipartisanship in U.S. Foreign Policy. *Political Research Quarterly*, 2014, vol. 67, no. 2, pp. 398—412. (In Eng.)
22. Forrester J.W. *Industrial Dynamics*. New York, London, The MIT Press, John Wiley & Sons Publ., 1961, 464 p. (In Eng.)
23. Forrester J.W. *World Dynamics*. Cambridge, Wright-Allen Press, 1971, 142 p. (In Eng.)
24. Gigerenzer G., Goldstein D.G. Reasoning the Fast and Frugal Way: Models of Bounded Rationality. *Psychological Review*, 1996, vol. 103, no. 4, pp. 650—669. (In Eng.)
25. Horwitz R.B. Trump and the “deep state”. *Policy Studies*, 2021, vol. 42, no. 5—6, pp. 473—490. (In Eng.)
26. Meadows D., Randers J. *Limits to Growth. The 30-Year Update*. London, Sterling, Earthscan Publ., 2006, 338 p. (In Eng.)
27. Nie tylko represje i opór: z profesorem Dariuszem Jaroszem rozmawiają Andrzej Skalomowski i Michał Przeperski. *Nowe książki: przegląd nowości wydawniczych*, 2018, no. 6, pp. 4—8. (In Pol.)
28. Osborne P. *The Politics of Time. Modernity and Avant-Garde*. New York, London, Verso Publ., 1995, 272 p. (In Eng.)
29. Phillipart A. Transfers Decision-Making Complexity and Influence on Decision-Making Powers. *International Political Science Review*, 1982, vol. 3, no. 3, pp. 269—276. (In Eng.)
30. Rivera J., de. *The Psychological Dimension of Foreign Policy*. Columbus, Charles E. Merrill Publishing Company, 1968, 441 p. (In Eng.)
31. Shlesinger A.M.-Jr. *The Cycles of American History*. Boston, New York, A Mariner Book Mifflin Company Publ., 1999, 400 p. (In Eng.)
32. Smith M.L.R. Why is the West so Rotten in Strategy? *International Affairs*, 2024, vol. 100, no. 4, pp. 1591—1614. (In Eng.)
33. *The Global 2000 Report to the President. Volume One. Entering the Twenty-First Century*. Washington, Government Printing Office, 1981, 56 p. (In Eng.)
34. *The Global 2000 Report to the President. Volume Three. Documentation on the Government's Global Sectoral Models: The Government's Global Model*. Washington, Government Printing Office, 1981, 401 p. (In Eng.)
35. *The Global 2000 Report to the President. Volume Two. The Technical Report*. Washington, Government Printing Office, 1980, 766 p. (In Eng.)
36. Todd E. *After the Empire. Breakdown of the American Order*. New York, Columbia University Press, 2003, 233 p. (In Eng.)
37. Topolski J. *Metodologia historii*. Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe Publ., 1973, 612 s. (In Pol.)
38. Turchin P. *End Times. Elites, Counter-Elites, and the Path of Political disintegration*. New York, Penguin Press, 2023, 362 p. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 10.03.2025